

Вера КАЛМЫКОВА

ПАРИЖ В ДЕКАБРЕ

Мой маленький город,
прыгай ко мне на ладонь.
Я положу тебя в сундучок, на ватку.
Довезу, не сломав, а там — упаковку долой
и на столе разглажу, разглядывая украдкой
вечернее небо над золотым «Bon Marche»
и кентавра в ботинках — он вежливо шаркнет ножкой.
Самодовольный фантом фонтана — пыжится, будто уже
раскроил мостовую, и вот-вот посыплется крошки
старого Сен-Жермена, который тщится предстать
дедушкой готики, девицы довольно резкой,
любящей цветные стекла в рамах под стать
алькову Ее Величества за лилейною занавеской.
За этажами лесов, которые скрыли собор
так, что видна лишь верхняя часть кружевной каменистой льдины,
декабрьское солнце причесывает на пробор
пряди улиц: налево — розовая, направо — сизая половины.
Зеленая бронза фигур, сбегаящих с Нотр-Дам,
выдает беглецов; если рискнут — их водворят обратно.
Набережные парят, подобно висячим садам,
над отраженьями облаков, столь же нелепых, как пятна
грязноватых белил на любимых туристами квелых холстах.
Торговцы картинами дремлют в ожиданье сезона.
Вечнозеленый плющ свернулся клубком, устав
от касаний — над открытым прилавком
с черными туфлями всех фасонов.
Если смотреть от угла, глаз выстраивает овал
крошечной площади, что падает вниз, поката.
Дождь. И маленький город совсем пропал
в пузырьках снизу вверх наползающего сфумато.

ПО ДОРОГЕ В ПЕТРОПАВЛОВСКУЮ КРЕПОСТЬ

Небо лежит на Неве — ноздреватое, сумрачное.
Странное место: никаких различий, где верх, где низ.
Между чем-то и чем-то мост поставлен, как будто прочный,
но как он может стоять на небе, вот в чем вопрос.

Вера Владимировна Калмыкова родилась и живет в Москве, поэт, кандидат филологических наук, редактор, автор научных и научно-популярных книг и статей.

Достать из сумки круглое зеркальце три на три сантиметра,
проверить, есть ли на свете свет — отразится ли от стекла,
но амальгама сработана из того же материала,
что Нева и небо, и врет, как серебряный конь. Легко

поймать снежинку — небо в руке дрожит, истекая
водой на перчатку. Ты откуда сюда, вода?
В ответ строптивая льдинка с пальца
соскакивает и убегает
стремительно, словно вот-вот захлопнется

дверь в какую-то мне недоступную область. Но я вмещаюсь,
я вмещаю в себя пространство, смешиваясь с,
вооружусь адмиралтейской иглой, протянусь широкими швами.
А Нева разлеглась наверху, сбросив на небо мост.

ГОВОРЕНИЕ

...В моей памяти —
ужас рожденья:
груда
сплошного бытия
без очертаний.
Обилие пустоты.
Гул, скрежет, лязг.

Вдруг
лепится звук:

«СТОЛ». «КНИГА». «КАМЕНЬ».
Пустота
обретает границы,
сгущается, стягивается в предмет.

Есть смысл.
Страха нет.

Я подарю тебе все слова, которые знаю.
Ты никогда ничего не испугаешься, сын.

НОЧНОЕ

Тишина ночная? А как это?
Хит-парад —
и когда придет
без слов понятное завтра?

Из фамилии Сартр
вываливается соц-арт,
вылупляется сад,
от него — о Боже! —
рукой подать до театра.

Люди спят, а слова
строим выходят в темь,
маршируют, свободные от
повседневных нужд и обличий.
Обнимают друг друга в слезах,
вперед, кашалот, идиот,
и стремятся слиться
восемь и озимь
с упрямым бычьим.

Прекратить бы бардак,
множить слова перестать,
меньше их, мой друг,
молчание — благодать,
но ведь даже отдельные эр и дэ
создают трансформер!
Как теперь их лишить
законного права на звук,
если они друг друга
буквально с рук
общими смыслами кормят?

Оголенные корни виснут.
Мечта носителя языка —
дожить до утра,
не утратив в засилье слов
несколько тощих фактов.
И снимает корону вдруг
солнцеликий Ра,
потому что в Красное море
выходит пустынный трактор.

...Много слов прочитала за ночь.
Многих знаний, увы, все нет.
Мир трещит и цокает.
Воздух исходит шумом.
Облегченье близко.
Вещает утро брежет.
И последним уходит со сцены
растерянный Монтесума.

* * *

Я справилась с собой и не хочу
ни памяти, ни веры, ни надежды.
Я так устала от любви к тебе.
Не сравнивай ни с чем, бывавшим прежде.
Ни капельке, ни сонному лучу
не жалеюсь. Прорехи на судьбе

латаю, будто перелицевать
достаточно, чтоб заново родиться.
Я не хочу назад. Ты мне тяжел.
Ну отпусти диковинную птицу
в родные джунгли. Ей бы полетать,
в чащобе отыскать дуплистый ствол

и спрятаться... Но за твоей спиной
твердеет мгла — и разрастется скоро.
И я останусь: воздуха глотком,
удачей, радостью, земной опорой.
Снопом огня. Преградой водяной.
Стеною древней в воздухе пустом...

* * *

Несу в себе твою любовь,
и я уже не я,
не человек — твоя любовь,
меня как будто нет.

Во мне ворочается зверь,
не видимый никем.
Его погладить я не дам
и кличку не скажу.

* * *

Бывали дни: разъединенье наше
я ощущала, как сквозную рану.
Уж больше года, как мне жизнью стало
предвосхищать раздумия твои,
угадывать печаль или веселье.

Еще бывало: я совсем спокойна,
как будто не любила никогда,
и вдруг рождается такая тяга —
притронуться, задеть плечом, обнять...

В один прекрасный день
я научилась пребывать одна
в душе и теле, тесном для двоих.

и как легко дышать
и как ненужно

* * *

Улавливать минутные обрывки
случайных мыслей, неумелых чувств.
Внутри себя из немудрящей чуши
выстраивать сверкающий чертог.

Работай, память, — только ты способна
вернуть утраченное чувство жизни,
внушить надежду, выполнить желание,
нестрашным показать грядущий день...

Обрадуюсь, развеселюсь, воскресну,
ударюсь оземь, больно треснусь лбом,
придумаю тысячу обличей новых,
их тысячью оттенков расцвечу.

SOMEWHERE IN NEVERWORLD

Н. Г.

Где-нибудь в мире, которого нет,
смелые ивы, крылатые пони,
рыб и медуз бесконечный балет —
лица смеются, раскрыты ладони.

В дальнем нигде пребывают на грани
кактусы, вязы, секвойи, герани.

Воздух сверкает, горит водопад,
плавная речь истекает огнями,
ночи становятся нежными днями,
теплые звуки доносит пассат.

Зверя погладь или птицу лови —
сколько неведомых видов любви:

робкой и дерзостной, светлой и страстной,
насмёрть сжигающей и безопасной,
жертвенной, чистой, хитрой, простой,
необитаемой и обжитой...

Не уменьшается ассортимент
где-нибудь в мире, которого нет.

Нам выпадает счастливый билет —
мы уже в мире, которого нет.

Где-нибудь здесь, в небывалом нигде,
множится множество чувств и открытий,
ткуются, струятся прозрачные нити,
шар образующие в пустоте.

Вневременное нигде никогда
не изменяется, верно убранство
замыслу первому. Здесь постоянство
мерой миров сохраняет вода.

Кружится музыка, вальс замирает,
душу все глубже в себя забирает,

и, в мироздании тихо кружа,
злую отдельность теряет душа...

ПАМЯТИ ИННЫ ФРЕЙДЛИНОЙ

Первый день без тебя был совсем по-особому светел,
после стольких недель затяжных невеселых дождей.
А закат был воздушной мистерией в солнечном свете.
Ты его наблюдала с высоких твоих этажей?

Ты была так щедра, что уход не меняет условия:
все, что дорого нам, навсегда остается при нас.
Это место не пусто — заполнено нашей любовью.
Только рук твоих больше не будет, и смеха, и глаз.

Ты ушла, мы остались, но мы и по смерти едины,
нам ли сетовать, мол, слишком рано положен предел.
И любимые люди, как белые, белые льдины,
уплывают, сверкая, покачиваясь на воде.